

Русский Ориентализм
(Размышления о книге: Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.: ил.)¹

Александр Эткинд, психолог по российскому образованию, литературовед и культуролог по западному, только в моей библиотеке — человека, не имеющего отношения напрямую ни к культурологии, ни к литературоведению, и тем более к психологии — отмечен три раза. Это книга², статья³, по поводу которой немало копий было сломано в вечерних беседах с друзьями-гуманитариями, и еще одна книга⁴, популярное исследование по социологии гуманитарной науки, в котором автор рассматриваемого текста выступил одним из героев.

В более объективном ракурсе Эткинд — профессор русской литературы и культурной истории Кембриджского университета, ранее — преподаватель и исследователь других западных университетов и Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор трех книг в 1990-х гг. (история психоанализа в России, переведенная на семь языков, очерки интеллектуальной истории Серебряного века плюс исследование идейных связей и переплетения революционных и сектантских движений, материал которого неуклонно отражается в большинстве последующих работ автора). После 2000-го: две книги на русском⁵, одна на английском⁶, программно-теоретическая статья о «новом историзме»⁷, множество предметных статей (35 наименований только в журнальном зале интернет-проекта «Русский журнал»⁸ плюс отдельные тематические узлы рассматриваемой книги, опубликованные в *Ab Imperio*, *Russian Review*, *The Journal of Eurasian Studies* и тематических сборниках). И наконец, сама «Внутренняя колонизация»; сначала — английский оригинал⁹, затем — авторизованный перевод. Параллельно, как вспомогательный текст, мы будем также рассматривать сборник статей, вышедший по итогам конференции, посвященной внутренней колонизации (еще одна, и не единственная, работа А. Эткинда уже как редактора)¹⁰.

Разговор о книге приходится начинать с определения внутренней колонизации — как это проделано и в ней самой (с. 16–18), и в сборнике статей, и вообще в любом тексте, употребляющем в качестве основного этот, по признанию автора, «оксюморонный термин». Самая простая из существующих дефиниций внутренней колонизации — это

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 14-06-31317).

² Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001.

³ Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 3. С. 50–74.

⁴ Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов. Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005.

⁵ Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. См. также сборник публицистических материалов: Эткинд А. Нон-фикшн по-русски правда. Книга отзывов. М., 2007.

⁶ Etkind A. *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Palo Alto, 2013. Версия в Интернете: <http://www.sup.org/book.cgi?id=20673>

⁷ Эткинд А. Новый историзм. Русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 1. С. 7–40.

⁸ URL: <http://magazines.russ.ru:81/authors/e/etkind/>

⁹ Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, 2011.

¹⁰ Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / ред. А. Эткинд, Д. Уффельман, И. Кукулин. М., 2012.

«применение практик колониального управления и знания внутривнутриполитических границ государства»¹. Более сложные описания данного понятийного поля обращают внимание на грамматическую неоднозначность и самореферентность (навязанная самим себе колонизация, внутренний контроль, самодисциплина) термина, смешивающего субъект и объект действия. Во введении к книге дан также обзор обращений к теме и различных пониманий внутренней колонизации (с. 17–20) — от русских историков XIX в. и прусских политиков рубежа XIX–XX вв. до Ханны Аренд, Майкла Хетчера, Юргена Хабермаса и даже современных российских публицистов имперско-ностальгического и этнонационалистического толка. Оттенки, надеемся, станут ясны далее — при разборе разделов книги.

Ключевая проблема и один из важнейших выводов книги — это применимость постколониальной теории к истории России. Эдвард Саид в «Ориентализме» видел во всем разнообразии мировой истории последних двух столетий в основном «эталонных» колонизаторов (Британия и Франция) и «эталонные» колонии (страны Африки, в основном Северной)². В этой поляризованной схеме в обширной переходной серой зоне теряются очень многие примеры и ситуации, а российской истории эта схема, на первый взгляд, как бы и не касается вовсе. Ключевое, на наш взгляд, достижение автора — это изложение все тех же сюжетов о культурной гегемонии, политическом доминировании, колониальном знании и его влиянии на административную практику, экспансии и ассимиляции на местном (русском) материале.

Актуальность подобного действия и подобной книги трудно переоценить. Скажем, в изложении автора одной из вышеупомянутых книг Дины Хапаевой последние 20 лет развития российской истории как дисциплины прошли в ожидании новой большой парадигмы, которая бы пришла на смену марксистской. Как и в гуманитарных науках, в целом надежды были на интеллектуальное «воссоединение» с Западом, на переводы или же на новое поколение молодых ученых. Ни одна из этих надежд не оправдалась, в основном в силу того, что эпоха больших парадигм просто закончилась. Те самые молодые ученые предпочитают локалистику и сторонятся широких тем, а переводы транслируют многообразие враждующих или даже не замечающих друг друга схем на Западе³. В этой ситуации хоть каким-то объединяющим полем стала институциональная тематика и история рождения национализмов. Для истории России (Российской империи) XVIII–XIX вв. этих тем оказалось достаточно для формирования активной и заметной в международной среде группы историков, известной непрофессиональному читателю по журналу *Ab Imperio* и серии книг *Historia Rossica*. Постколониальные исследования — еще одно богатое объединяющее поле, и его открытием Александр Эткинд сделал по крайней мере не меньше, чем Алексей Миллер и его товарищи. При этом, похоже, естественная конкуренция двух «больших подходов», которая могла бы быть вполне ожесточенной, не особо состоялась и намечается сотрудничество двух групп исследователей, что отрадно.

Кроме научной актуальности, у рассматриваемой книги есть актуальность и общественно-политическая. Попытка вписать российскую историю в постколониальный контекст неизбежно затрагивает острые и «вечные» вопросы об особенностях российского общества и политического режима, месте России в мире, ее отношениях с За-

¹ Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. С. 12.

² *Said E. W. Orientalism. New York, 1979.*

³ *Хапаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов. Гуманитарные науки и революция понятий.

падом, отношениях разных групп российского общества между собой. И в этом смысле книга может быть иронически обозначена как «общая теория всего». Для современной истории и историков она действительно безбрежно широка. Отчасти это связано с особенностями самой постколониальной методы, отчасти с талантом и широким кругом интересов автора. Впрочем, все это было уже хорошо видно по первой же статье на данную тему¹. Сейчас же статья и тезис внутренней колонизации выросли в монографию, сборник статей и целую группу историков, готовых разрабатывать тематическое поле, в котором «Ориентализм» Эдварда Саида, излагающий основы одной из популярных, признанных и еще существующих больших теорий, находит российскую прописку.

Собственно, 2-я глава книги посвящена любимым героям Саида, в их необычном с точки зрения классического колониализма положении, и самому Саиду. Робинзон Даниэля Дефо путешествует через Сибирь в Архангельск и далее — в Англию, зимует в Тобольске, ищет границу Европы и Азии, вступает в сложные отношения со ссыльным русским князем (с. 48–52). Киплинг озабочен Россией и российско-британскими отношениями больше, чем это отражено у Саида, но хорошо видно по авторской прозе и поэзии (с. 53–59). И наконец, представлен сам Саид, в интерпретации А. Эткинды по причинам семейного характера почти до конца жизни аккуратно обходящий «второй мир» и его связи с первым и третьим (с. 62–66). В предпоследней, 11-й главе книги появляется еще один обильно цитируемый и вспоминаемый Саидом автор — Джозеф Конрад, при рождении — Юзеф Коженевский, сын польского шляхтича, националиста и подпольщика, проследовавший за отцом в ссылку в Вологду, потом в Чернигов и в результате всего в десять лет нелегально попавший в австрийскую часть Польши. В «Сердце тьмы» Эткинд разыскивает слишком много следов этого травматического детского опыта из страны внутреннего колониализма, чтобы их можно было игнорировать.

Классические постколониальные сюжеты содержатся в третьей части книги (главы 6–8). Собственно эту часть текста и можно назвать «Русским ориентализмом»: культурная дистанция как орудие колониализма и ее конструирование в XVIII в. между русскими сословиями по тем же образным лекалам, что помогали выстраивать дистанцию между «естественно различающимися» с точки зрения европейцев того времени группами — расами². Крепостное право, изобретение крестьянской общины, экзотизация «своих» и особые права и привилегии для европейских колонистов. Обширные биографии чиновников Министерства внутренних дел XIX в. с их сложными клановыми — дружественными и семейными отношениями (среди них Перовские — от губернаторов до террористки, состоящие с ними в родстве Сергей Уваров и А. К. Толстой; Вл. Даль, М. Петрашевский, П. Мельников-Печерский и А. Щапов). Портреты этих людей и описание хитросплетений их связей соединяются с историей рождения российского внутреннего колониального знания — от словаря Даля до экзотических и экспрессивных описаний русских старообрядцев и сект. Раздел затрагивает и те сюжеты, что бесспорно описываются в колониальном ключе уже более столетия (завоевание и администрирование Кавказа и Средней Азии). Соединяются темы внутренней и внешней колонизации в фигуре Василия Григорьева — востоковед с академическим обра-

¹ Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое. С. 50-74.

² Важным, по мнению автора, визуальным маркером здесь выступило различие между бритыми дворянами и бородатыми представителями прочих сословий. Именно сословному квази-расовому конструированию подвластного общества при Петре I было посвящено сообщение А. Эткинды на презентации английского издания в Высшей школе экономики в 2012 г.

зованием, участник и энтузиаст жестоких карательных экспедиций против местного населения на оренбургской границе, он поучаствовал в бюрократических дискуссиях о «черте оседлости», украинском наречии, университетах и, наконец, занял пост верховного цензора империи.

Именно здесь видна дополнительная специфика вопроса. В принципе, о России как одной из колониальных держав второй половины XIX в. особых споров никогда не велось — этот ее статус был утвержден еще в марксистской историографии. Однако на мировом фоне эта периферийная колониальная сила второго, а то и третьего порядка вряд ли могла привлечь серьезное внимание историков. Представление о территориях империи за пределами Средней Азии и Кавказа (вариант — Европейской России) как своеобразной метрополии размывается с помощью концепции «колониального бумеранга» Х. Арндт (с. 19, 266), прекрасно проиллюстрированной примером Григорьева. Но это только первый шаг. Если коренные жители метрополии подвергаются экзотизации и становятся объектом колониального знания, а культурная дистанция ориентируется на сословный, а не территориальный принцип, то можно ли о метрополии говорить вообще? В таком ракурсе вся территория Российской империи, а не только захваченные в XIX в. ее части, оказывается ареалом приложения специфического вида колониализма, в которой устанавливать само различие между внешней (более схожей с «классическими» образцами) и внутренней его формой не до конца корректно. Если и говорить о метрополии в территориальном разрезе, то, видимо, к ней можно отнести Царское Село, другие резиденции императорской фамилии и центральные части Санкт-Петербурга и Москвы. Более широкие варианты имперского ядра уже составлялись публицистами националистического толка, следовавшими европейским примерам¹. В 1-й главе книги, в сущности говоря, и идет речь о политической элите империи как единственном субъекте российского колониализма.

Лучше всего специфика колониализма в России видна на примере странных и противоречивых отношений с элитами и населением западных территорий империи — Польши и Прибалтики, в отношении которых хорошо просматривается то и дело всплывающая по тексту проблема политического доминирования без культурной гегемонии в колониальной практике. Автор выбрал малоизвестный и оттого особо ценный сюжет захвата и временного присоединения к России Восточной Пруссии во время Семилетней войны (9-я глава). Через призму судеб Иммануила Канта и его ученика Иоганна Гердера, оказавшихся российскими подданными, и Андрея Болотова, русского штабного офицера, проходящего службу в Кенигсберге и пытающегося стать «своим» для немецкого населения, рисуется крайне занимательная история, по которой историки всегда проходились довольно поверхностно.

Самая спорная по признанию автора 5-я глава похожа на попытку вскрыть причины формирования столь причудливой модели колониализма. Собственно, спорность ее в самой интеллектуальной операции, исходящей из возможности существования какой-то одной большой, почти объективной причины для сложного явления, сама фактура которого носит явно культурно-психологический, конструируемый характер. Тем не менее значительная часть читателей вполне серьезной и сдержанной научной литературы проводит подобные операции самостоятельно — автор же читателя как бы упреждает, предлагая ему определенные правила для разговора, имеющего заведомо публицистический характер.

¹ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 147–148.

Итак, перед нами история пушного промысла — от последних столетий существования Новгородской республики до первого века Российской империи. В собственно научном смысле это вполне современный постколониальный сюжет, акцентирующий тему насилия. Автор рисует целую пирамиду насилия — от пушных зверей до первых лиц государства, принуждение и смерть в ней нарастают сверху вниз, а прибыли — снизу вверх. Этот сюжет, кстати, единственный связывает книгу с историей домодерных обществ и медиевистикой (на теоретическую неприменимость теоретических выкладок автора к собственному материалу жаловался один мой знакомый византист). Сквозь же него проступает широкая идея ресурсно зависимого общества (и государства), в котором политическая машина не зависит от навыков и умений подданных, занимаясь исключительно продажей вовне извлеченных ресурсов и перераспределением вырученных от этого материальных благ. В таких условиях верхние слои общества, грубо говоря, могут выстраивать столь причудливые стратегии управления обществом, насколько будет хватать их кругозора и фантазии.

Наконец, дополнительные штрихи к портрету русского внутреннего колониализма намечены в 10 и 12-й (последней) главах. Здесь любимая для автора история сектантов и революционеров (скажем, ей же посвящена одна из книг автора и раздел в книге 2001 г.¹), в данном случае поворачивающаяся гранью, в которой студенты-радикалы становятся носителями экзотизирующего колониального знания «о народе», сформулированного несколькими десятилетиями и главами до того. Народ радикалы представляют себе чуть ли не наполовину тайными сектантами, а потому — стихийными врагами империи. Они хотят использовать экзотических и удивительных сектантов для реализации своих политических проектов, но, по сути, лишь заявляют свою претензию на включение в состав сословной «метрополии», приобщаясь к коллективному колониальному действию. Глава 12-я — реализация авторской заявки на преодоление разрыва между историей и литературой. Постулируя необычно большую роль высокой культуры в историческом процессе в России, автор проходит по многим авторам и сюжетам русской литературы — от Островского до Лескова и Достоевского, перекладывая и эти истории на постколониальный лад. Главы 3 и 4-я посвящены не литераторам, но тоже людям слова — историкам в их попытках создать адекватный дискурс об империи и ее колониальных практиках, обращенных на саму себя. Между историками и литераторами XIX столетия — сами сюжеты культурно-интеллектуальной колонизации, которым они посвящали свои труды.

В целом книга очень широка по охватываемым ей сюжетам — как уже понятно из описания глав — это не предметное исследование «об одном». Скорее, речь идет о многочисленных вариациях ключевого для автора тезиса. В принципе, текст мог бы быть написан о том же самом, но на другом материале. Но, вероятно, то же самое можно сказать и об «Ориентализме». Все это дополняется авторским стилем — простым и доступным среднему читателю, который ряд представителей академической среды, однако, могут воспринять как приношение жанру публицистики и принципиальной ориентацией в том числе на массового читателя. Так, среди рецензий на книгу, обозначенных на сайте издателя, почти нет научных — лишь статья для кантовского сборника, появившаяся, очевидно, благодаря 9-й главе книги, и рецензия на оригинальное англоязычное издание на сайте, редактируемом молодыми украинскими историками. Остальные рецензии ориентированы на вполне образованного и критически мысляще-

¹ Эткнд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. С. 55–113.

го, но не обязательно относящегося к академической среде читателя — «Ведомости», «Коммерсант», «Афиша», «Литературная газета». Так рекламируют non-fiction, и ясно, что сам автор рассчитывает на популярность среди читателя интересующегося, но не являющегося специалистом по поднятым темам. Считать ли подобную стратегию минусом или плюсом книги — частное решение каждого.

Что касается недостатков текста или шероховатостей, то порой складывалось ощущение, что ряд утверждений, которые можно назвать ошибками, сделаны почти намеренно. Автор писал «большой текст» и в некотором роде ему было не до мелочей. Так, Священный союз оказывается первой попыткой интеграции в Европе (с. 13), истощение пушных ресурсов почти автоматически приводит к краху Новгородской республики и Смутному времени (глава 5), что входит в некоторый диссонанс даже с приведенными самим автором данными. И наконец, колония гернгутеров Сарепта, основанная в XVIII в. недалеко от Царицына, перерастает «в город, более известный как Царицын, Сталинград и Волгоград» (с. 206; Сарепта-на-Волге существовала под своим названием до 1920 г., в котором была переименована в Красноармейск и получила статус городского поселения; в 1931 г. присоединена к Сталинграду).

Для неподготовленного читателя и по прочтении книги может остаться не до конца проясненным вопрос о четких определениях внутренней колонизации. Для этого придется снова вернуться к введению и перечитать его уже с учетом всех приведенных в тексте case studies. Оптимально же соединить чтение рассмотренной книги с упомянутым сборником статей, где дефиниции более определены и необходимым теоретическим рассуждениям отведено больше места. Еще лучше динамика авторской мысли отслеживается с учетом статьи 2001 г.

*Сергей Валерьевич Рассказов,
к. геогр. н., старший научный сотрудник,
Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
E-mail: sergei.rasskasov@gmail.com*